

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР В МАГАЗИНЕ
«КНИГОМАНИЯ»,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 230-ЛЕТИЮ БАЙРОНА

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕРЕВОД
БОРИСА КРИГЕРА

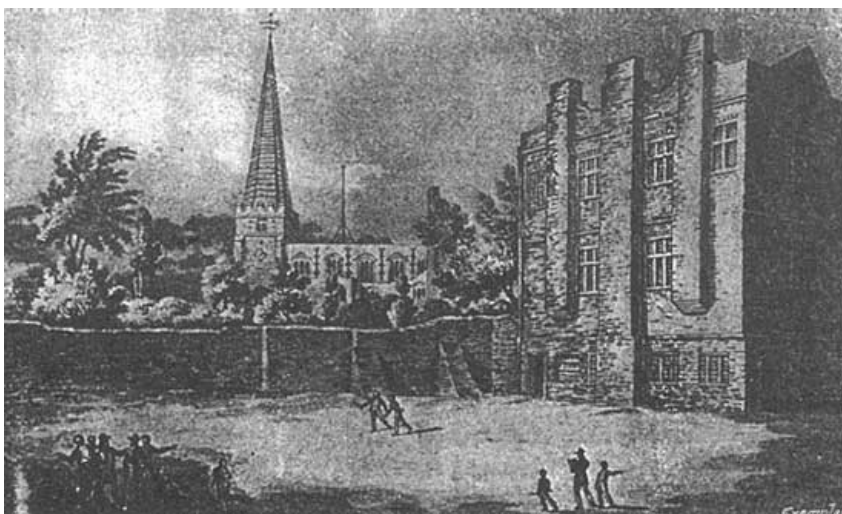
© 2018 – BORIS KRIGER

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

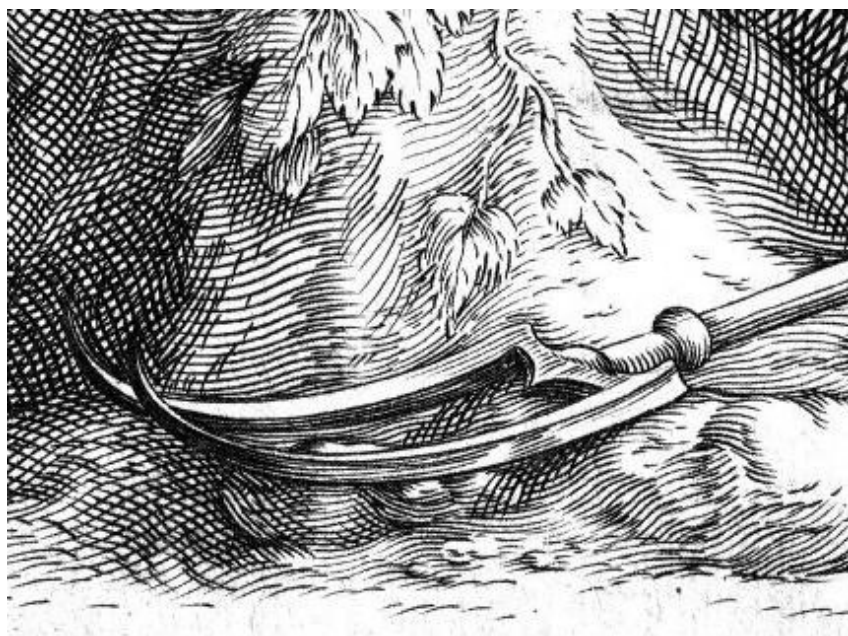
22 ЯНВАРЯ 2018 – 230 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДЖОРДЖА НОЭЛА ГОРДОНА БАЙРОНА (1788-1824)

Джордж Байрон жил в мире, в котором рушились старые устои, менялись идеалы. Во многом это обусловило пессимизм и разочарованность, которыми исполнены произведения поэта-романтика. Образ "байронического героя" – разочарованного, чуждого всем страдальца, бросившего вызов окружающему миру, получил развитие в поэмах "Паломничество Чайльд Гарольда", "Шильонский узник". Герой поэм Байрона – всегда изгой, нарушающий законы общественной морали, одновременно жертва общества и мститель, герой и преступник в одном лице. В июле 1823 года Байрон отправился в Грецию, восставшую против Османской империи. Он распорядился продать свое имущество в Англии, а деньги направить в пользу повстанческого движения. Скончался поэт в Греции от лихорадки.

*She walks in beauty, like the night
Of cloudless climes and starry skies;
And all that's best of dark and bright
Meet in her aspect and her eyes;
Thus mellowed to that tender light
Which heaven to gaudy day denies.
One shade the more, one ray the less,
Had half impaired the nameless grace
Which waves in every raven tress,
Or softly lightens o'er her face;
Where thoughts serenely sweet express,
How pure, how dear their dwelling-place.
And on that cheek, and o'er that brow,
So soft, so calm, yet eloquent,
The smiles that win, the tints that glow,
But tell of days in goodness spent,
A mind at peace with all below,
A heart whose love is innocent!*

Она прекрасна, словно ночь
Под звездным небом южных стран.
И свет и тьма вместились вточь
В ее глаза и стройный стан.
Лучом стремится ей помочь
Небес чуть пасмурных туман.
Чем больше тень, тем меньше свет
Полуистертый, без имён,
В морщинках, дани прежних лет,
Лица, сошедшего с икон,
Где мыслей безмятежных след
Струится как невинный сон
В уют меж бровью и щекой...
Красноречивей томных фраз
Улыбки свет, зрачков покой!
Все в ней прекрасно в этот час,
Неразлучимо с простотой
Любви невинной без прикрас!

*'Tis done!—I saw it in my dreams;
No more with Hope the future beams;
My days of happiness are few:
Chill'd by misfortune's wintry blast,
My dawn of life is overcast;
Love Hope, and Joy, alike adieu!
Would I could add Remembrance too!*

Всё кончено! Вся жизнь — сон;
И нет луча надежды в нём.
И счастья считанные дни...
А вот несчастий ураган
Развеял юности обман.
Любовь, надежда, радость — всё
Уйдет в забвение моё!

On the Day of the Destruction of Jerusalem by Titus

*Fame, wisdom, love, and power were mine,
And health and youth possess'd me;
My goblets blush'd from every vine,
And lovely forms caress'd me;
I sunn'd my heart in beauty's eyes,
And felt my soul grow tender;
All earth can give, or mortal prize,
Was mine of regal splendour.*

*I strive to number o'er what days
Remembrance can discover,
Which all that life or earth displays
Would lure me to live over.
There rose no day, there roll'd no hour
Of pleasure unembitter'd:
And not a trapping deck'd my power
That gall'd not while it glitter'd.*

*The serpent of the field, by art
And spells, is won from harming;
But that which coils around the heart,
Oh! who hath power of charming?
It will not list to wisdom's lore,
Nor music's voice can lure it;
But there it stings for evermore
The soul that must endure it.*

На день разрушения Иерусалима Титом Флавием

Слава, мудрость, любовь, сила, власть, -
Всё сплелось, как лоза, в граде мира
С красотой, что не в силах украсть
Даже самый искусный громила...
Высоты твоей терпкую сласть
Воспевает псаломская лира!

Ты мучительно хочешь припасть
К роднику, где упрямая память
Не дает тебе, гордому, пасть
Пред полком, окрыленным орлами!
Лев твой мертв. Обеззублена пасть.
Ты сгоришь навсегда вместе с нами.

Древний змей, что тебя погубил
Не щадил никого и не станет
Ни живых, ни домов, ни могил.
Ты погиб в вихре дерзких восстаний!
Под восторг италийских громил
Что пируют во вражеском стане!

Darkness

*I had a dream, which was not all a dream.
The bright sun was extinguish'd, and the stars
Did wander darkling in the eternal space,
Rayless, and pathless, and the icy earth
Swung blind and blackening in the moonless air;
Morn came and went—and came, and brought no day,
And men forgot their passions in the dread
Of this their desolation; and all hearts
Were chill'd into a selfish prayer for light:
And they did live by watchfires—and the thrones,
The palaces of crowned kings—the huts,
The habitations of all things which dwell,
Were burnt for beacons; cities were consum'd,
And men were gather'd round their blazing homes
To look once more into each other's face;
Happy were those who dwelt within the eye
Of the volcanos, and their mountain-torch:
A fearful hope was all the world contain'd;
Forests were set on fire—but hour by hour
They fell and faded—and the crackling trunks
Extinguish'd with a crash—and all was black.
The brows of men by the despairing light
Wore an unearthly aspect, as by fits
The flashes fell upon them; some lay down
And hid their eyes and wept; and some did rest
Their chins upon their clenched hands, and smil'd;
And others hurried to and fro, and fed
Their funeral piles with fuel, and look'd up
With mad disquietude on the dull sky,
The pall of a past world; and then again*

*With curses cast them down upon the dust,
And gnash'd their teeth and howl'd: the wild birds
shriek'd*

*And, terrified, did flutter on the ground,
And flap their useless wings; the wildest brutes
Came tame and tremulous; and vipers crawl'd
And twin'd themselves among the multitude,
Hissing, but stingless—they were slain for food.
And War, which for a moment was no more,
Did glut himself again: a meal was bought
With blood, and each sate sullenly apart
Gorging himself in gloom: no love was left;
All earth was but one thought—and that was death
Immediate and inglorious; and the pang
Of famine fed upon all entrails—men
Died, and their bones were tombless as their flesh;
The meagre by the meagre were devour'd,
Even dogs assail'd their masters, all save one,
And he was faithful to a corse, and kept
The birds and beasts and famish'd men at bay,
Till hunger clung them, or the dropping dead
Lur'd their lank jaws; himself sought out no food,
But with a piteous and perpetual moan,
And a quick desolate cry, licking the hand
Which answer'd not with a caress—he died.
The crowd was famish'd by degrees; but two
Of an enormous city did survive,
And they were enemies: they met beside
The dying embers of an altar-place
Where had been heap'd a mass of holy things
For an unholy usage; they rak'd up,
And shivering scrap'd with their cold skeleton hands
The feeble ashes, and their feeble breath*

*Blew for a little life, and made a flame
Which was a mockery; then they lifted up
Their eyes as it grew lighter, and beheld
Each other's aspects—saw, and shriek'd, and died—
Even of their mutual hideousness they died,
Unknowing who he was upon whose brow
Famine had written Fiend. The world was void,
The populous and the powerful was a lump,
Seasonless, herbless, treeless, manless, lifeless—
A lump of death—a chaos of hard clay.
The rivers, lakes and ocean all stood still,
And nothing stirr'd within their silent depths;
Ships sailorless lay rotting on the sea,
And their masts fell down piecemeal: as they dropp'd
They slept on the abyss without a surge—
The waves were dead; the tides were in their grave,
The moon, their mistress, had expir'd before;
The winds were wither'd in the stagnant air,
And the clouds perish'd; Darkness had no need
Of aid from them—She was the Universe.*

МРАК

Мне снился сон, что был едва ли сном.
Погасло солнце, звезды не светили
И бороздили вечное пространство
подобьем стад погашенных свечей.
Беззвездных зодиаков мрачный сонм
Взирал на землю в ледяной могиле.
В безлунном тёмном траурном убранстве
Она была особенно ничьей.
И люди, позабывши свои страсти,
Предались ужасу, упрямому, как боль.
Они молили, чтоб вернулся свет.
И жгли дворцы, лачуги, книги, снасти,
Мы миру не были ни свет, ни соль...
Ну а без этого ведь света нет
Как завещал Тот, у Кого молили
Распяв, и продолжая распинать.
Но свет не торопился возвращаться,
Хотя они уж все давно спалили
И даже принялись себя сжигать
Друг с другом чтоб при свете распрощаться.
И даже в жерла грозного вулкана
Стремились люди, чтоб увидеть свет
Погибнув там, не обрета надежду...
Леса дотла сгорели без обмана,
И потеряла на миллионы лет
Земля свою лесистую одежду.
Все было черным. Брови у мужчин
Все обгорели, хоть костры погасли.
У женщин тоже обгорели косы...
Не пряча глаз рыдали, как один

За что все это, всем ведь было ясно
Не задавая лишние вопросы.
С безумной неуверенностью мир
Не узнавал уже ни берег дальний,
Ни в тусклом небе брошенных светил
Безумный мир. Он сам себя спалил
В костров неверном свете погребальных
Увидев только силуэт могил.
А птицы бились оземь, перьев прах
Развеян в пыль на крыльях бесполезных
И для полета, и зубов зверей,
Искавших пищу, позабывши страх.
И голод их душил в объятьях тесных,
Как озверевших он душил людей
И вот война, затихнув, взвилась вновь
Как пламя, пожирающее жизни,
И кровью всласть все насыщали плоть...
Что будет слаще для войны, чем кровь?
И, правя пир на беспристанной тризне,
Смерть поглотила счастье и любовь,
И мысль о смерти поглощала всех...
Бесславной смерти в голоде студеном,
Кто умер раньше тех, глодая кости!
Собак безумных вой похож на смех.
А смех гиен — на плач новорожденных,
Которым лучше б не рождаться вовсе.
Зверей и птиц повсюду лился стон,
Но смерть в конце их всех брала за горло...
А стонов тишина увы страшнее...
И к алтарям придя со всех сторон,
Дары святые поглощали подло
Мы от вина церковного хмелея...

Скелет дрожащий с хладными руками,
На слабый пепел слабое дыхание
Таким стал тот, кто звался человеком...
Какое издевательство над нами!
Над теми, кто считал своим призванием
Кичиться долгим и успешным веком.
И раньше язва неприязни
Питала зла сквозную рану,
А нынче возгорелось пламя
Такой библейской меры казни,
Что сомневаться я не стану,
Какой конец случится с нами...
И голод, написав Писанье,
Мир отменил. И мир стал пуст.
Безлюдный, смрадный, мрачный, дикий,
Как глины ком в том состояньи
Где правит хаос мёртвых уст,
Застывших в агональном крике.
И океаны все застыли,
Не шелохнувшись в глубине
Могильной и безмолвной бездны,
Где шхуны без матросов гнили
И мачты рухнув в полной тьме,
Лежали грудой бесполезной.
Прилив возлюбленный Луной
Иссяк. В том не его вина.
А думали – нетленный....
Теперь тьма стала вечной тьмой.
Ночь стала больше не нужна.
Мрак стал Вселенной...

*When we two parted
In silence and tears,
Half broken-hearted,
To sever for years,
Pale grew thy cheek and cold,
Colder thy kiss;
Truly that hour foretold
Sorrow to this.*

*The dew of the morning
Sank chill on my brow
It felt like the warning
Of what I feel now.
Thy vows are all broken,
And light is thy fame:
I hear thy name spoken,
And share in its shame.*

*They name thee before me,
A knell to mine ear;
A shudder comes o'er me
Why wert thou so dear?
They know not I knew thee,
Who knew thee too well:â€”
Long, long shall I rue thee
Too deeply to tell.*

*In secret we met
In silence I grieve
That thy heart could forget,
Thy spirit deceive.
If I should meet thee
After long years,
How should I greet thee?
With silence and tears.*

Когда расстались мы
В молчаньи и слезах,
Убитые мечты
Сердца разбили впрах.
И в холоде лица
И в бледности щеки
Постиг я до конца
Всю глубину тоски.

И поцелуй росы,
Что в предрассветный час
Предупрежденьем был,
Что чувствую сейчас.
Как от стальной косы
Опали клятв листы,
Не пало на весы
Последнее «Прости»

И в имени твоём
Уже намёка нет
О том, что мы вдвоём
Прожили много лет.
О том, как я рыдал,
И как рыдала ты,
Похоронив в подвал
Убитые мечты.

Запретная любовь
Закончилась тоской.
И лучше больше вновь
Не видеться с тобой.
Лишь через много лет,
Отбросив стыд и страх,
Послать тебе привет
В молчаньи и слезах.

*To sit on rocks, to muse o'er flood and fell,
To slowly trace the forest's shady scene,
Where things that own not man's dominion dwell,
And mortal foot hath ne'er or rarely been;
To climb the trackless mountain all unseen,
With the wild flock that never needs a fold;
Alone o'er steeps and foaming falls to lean;
This is not solitude, 'tis but to hold
Converse with Nature's charms, and view her stores
unrolled.*

*But midst the crowd, the hurry, the shock of men,
To hear, to see, to feel and to possess,
And roam alone, the world's tired denizen,
With none who bless us, none whom we can bless;
Minions of splendour shrinking from distress!
None that, with kindred consciousness endued,
If we were not, would seem to smile the less
Of all the flattered, followed, sought and sued;
This is to be alone; this, this is solitude!*

Сесть на скале и на поток смотреть,
И тихо слиться с тенью сонной рощи,
В такой момент ведь даже умереть,
Мне кажется, гораздо будет проще.
Взобраться в высь по скалам без тропы,
Из водопада пенного напиться,
Без куража, без мук, без суеты
С природой тихо незаметно слиться.

Уйти от суетящейся толпы,
Чтоб снова слышать, чувствовать и видеть,
Где в одиночестве твои мечты
Никто предать не сможет, ни обидить.
Где улыбаться льстиво ни к чему
И беспрестанно мелко лицемерить.
Где можно быть, как прежде, одному,
Где можно жить, любить, мечтать и верить!

Plate 4.

Mre Huguette van' poudre vauze

*There be none of Beauty's daughters
With a magic like thee;
And like music on the waters
Is thy sweet voice to me:
When, as if its sound were causing
The charmed ocean's pausing,
The waves lie still and gleaming,
And the lulled winds seem dreaming;*

*And the midnight moon is weaving
Her bright chain o'er the deep,
Whose breast is gently heaving
As an infant's asleep:
So the spirit bows before thee,
To listen and adore thee,
With a full but soft emotion,
Like the swell of Summer's ocean.*

Ни у одной из дочерей красоты
Я не найду такого волшебства,
И воплощение моей мечты
Твой голос нежный и твои слова.
Они способны ярость океана
Сменить на шорох едва слышных волн
И дремлет тихо, будто бы он пьяный,
На глади вод совсем усталый чёлн.

И полуночный месяц тихо машет
Цепочкой света в звездной глубине
И, как младенец на груди мамыши,
Он засыпает в тихой синеве.
Дух океана шлет тебе поклон
В невыразимом нежном восхищеньи,
Ах, если б мог бы, то стихотворенье
Тебе, конечно, посвятил бы он!

*A spirit passed before me: I beheld
The face of immortality unveiled
Deep sleep came down on every eye save mine
And there it stood all formlessâ but divine:
Along my bones the creeping flesh did quake;
And as my damp hair stiffened, thus it spake:*

*"Is man more just than God? Is man more pure
Than He who deems even Seraphs insecure?
Creatures of clay" vain dwellers in the dust!
The moth survives you, and are ye more just?
Things of a day! you wither ere the night,
Heedless and blind to Wisdom's wasted light!"*

Дух предо мной предстал. Я был без сил!
Лицо бессмертья предо мной явилось
И сном окутав всех, кроме меня,
Бесформенного духа полынья
Во льду реки сознания открылась.
И этот дух со мной заговорил:

«Ты возомнил себя превыше Бога?
Пред Кем робеет даже Серафим?
Комочек глины ты. Из праха в прах!
И у тебя злословье на устах,
Как будто ты и впрямь не победим
Лишь в ад без Мудрости Его тебе дорога!»

It is the hour when from the boughs
The nightingale's high note is heard;
It is the hour — when lover's vows
Seem sweet in every whisper'd word;
And gentle winds and waters near,
Make music to the lonely ear.
Each flower the dews have lightly wet,
And in the sky the stars are met,
And on the wave is deeper blue,
And on the leaf a browner hue,
And in the Heaven that clear obscure
So softly dark, and darkly pure,
That follows the decline of day
As twilight melts beneath the moon away.

И в этот час среди ветвей
Так тихо, необыкновенно
Поёт о чем-то соловей,
И песнь его проникновенна,
И музыка ласкает слух,
И луч звезды едва потух,
Чтоб с прежней силой вспыхнуть снова
Среди глухой ночи покровы.
Все тихо на исходе дня,
И все от глаз во мраке скрыто,
Восходит бледная луна,
И сердце для любви открыто!

*If, in the month of dark December,
Leander, who was nightly wont
(What maid will not the tale remember?)
To cross thy stream, broad Hellespont!*

*If, when the wintry tempest roared,
He sped to Hero, nothing loath,
And thus of old thy current poured,
Fair Venus! how I pity both!*

*For me, degenerate modern wretch,
Though in the genial month of May,
My dripping limbs I faintly stretch,
And think I've done a feat today.*

*But since he crossed the rapid tide,
According to the doubtful story,
To woo and Lord knows what beside,
And swam for Love, as I for Glory;*

*'Twere hard to say wh
o fared the best:
Sad mortals! thus the gods still plague you!
He lost his labour, I my jest;
For he was drowned, and I've the ague.*

Как мрачно море в декабре,
Леандр, любовью побуждаем,
В известном мифе, как во сне,
В ночь Геллеспонт переплывает!

Как страшен зимней бури рёв,
Спешит герой к прекрасной Геро
Любовь — маяк, как свет без слов,
Как жаль мне нежную Венеру!

А мне, в наш век-дегенерат
Здесь плыть пришлось в блестящем мае,
Так этому я был не рад,
От качки истовой страдая.

Но он пересекал вот так
Поток, где волн резвится лава
Лишь Господу известно, как.
Он - за любовью, я - за славой.

Нет в этой гонке первых мест.
Нас, жалких смертных, проклинают боги.
Напрасный труд, напрасный жест.
Он утонул, а я простыл немного...
